

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32+303

«Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Предметом анализа в настоящей публикации является смысл «исторического метода», на который сегодня ориентировано использование этого метода в отечественных политических исследованиях. Автор приходит к заключению, что смысл этот близок к тому, которым руководствуются представители других современных гуманитарных наук, когда используют общенаучный «исторический метод» для изучения порядка и динамики изменений в природных и социальных системах в прошлом. Смысл этот вместе с тем вариативен. Вариативность эта влияет и на качество самих политических исследований, и в особенности на качество научной экспертизы их методологических оснований. В публикации анализируются условия, при которых вариативность общенаучного смысла «исторического метода» способна привести автора современного политического исследования и эксперта к разным оценкам качества методологии этого исследования и к недоверию объективности этих оценок.

Ключевые слова: методы политического исследования, исторический метод.

“Historical Method” of Modern Political Research: Problems of Interpretation

N. I. Shestov

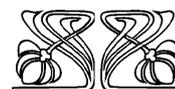
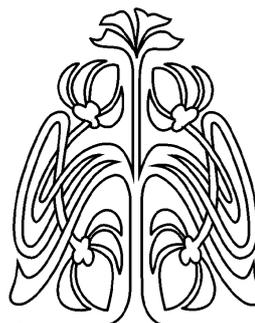
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The subject of analysis in this article is the meaning of the “historical method”, on which domestic political studies are based today. The author comes to the conclusion that this meaning is close to that which is followed by representatives of other modern humanitarian sciences when they use the general scientific “historical method” to study the order and dynamics of changes in natural and social systems in the past. This meaning, however, is variable. This variability affects the quality of political research itself and, in particular, the quality of the scientific expertise of their methodological foundations. The article analyzes the conditions under which the variability of the general scientific meaning of the “historical method” can lead an author of a modern political research and an expert to different assessments of the quality of the methodology of this research and to the distrust of the objectivity of these assessments.

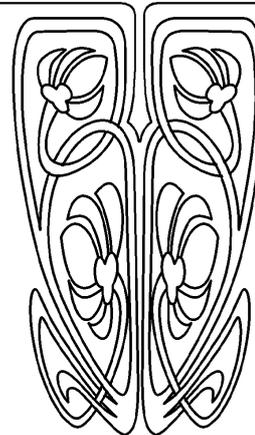
Keywords: political research methods, historical method.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-92>

В ряду методов, при помощи которых отечественные политологи осуществляют сегодня свои исследования, довольно часто фигурирует «исторический метод». Внимание политологов к этому методу оправдано. Добросовестному специалисту трудно рассуждать о современной российской политике, ее особенностях и тенденциях и не принимать во внимание пространственного и временного масштаба процессов государственного строительства и общественного развития, результатом которых эта современная политика является. Применение «исторического метода» к изучению современной российской политики оправдано тем, что сама эта политика глубоко исторична с точки зрения ее целей, форм и смыслов.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Вместе с тем упоминание в политологическом тексте, в публикации или диссертации о применении его автором «исторического метода» каждый раз создает проблему. Проблему смысла, которым политолог наделяет понятие «исторический метод», когда включает это понятие в структуру своего научного текста. Для человека, которого в политологическом тексте интересуют, прежде всего, конечные оценки и выводы специалиста, она не очевидна. Более очевидна эта проблема для эксперта, задача которого оценить не только сам научный результат, но и качество того теоретического инструментария, при помощи которого данный результат был получен и корректность применения которого обеспечила этому результату необходимую достоверность.

В современной политической науке за минувшее столетие сложилась традиция, как тот или иной метод понимать и применять. Она, эта традиция, прописана и закреплена в учебных пособиях по методам политического исследования. Ее придерживаются специалисты по теоретическим и прикладным проблемам политической науки. Эксперт и автор рецензируемого научного исследования, раз они в процессе своего профессионального становления приобщились к этой традиции своей науки, казалось бы, должны достаточно легко прийти к взаимопониманию в вопросе корректности методологии. На деле же взаимопонимание, именно *взаимопонимание*, достигается достаточно редко. Чаще его подменяет простое согласие эксперта не требовать от коллеги «слишком много» в плане работы над теоретическими основами своего исследования. То есть не выяснять в деталях, что именно тот имеет в виду, когда говорит о применении в своем политическом исследовании того или иного метода, например «исторического метода». Выяснение деталей, действительно, могло бы увести процедуру экспертизы в сторону, потому что автору политологического текста и эксперту пришлось бы согласовывать свои позиции по ряду трудных теоретических вопросов, далеких от проблематики конкретного политологического исследования, особенно прикладного.

В случае с «историческим методом» первое, что должны были бы сделать в идеале автор и эксперт, это как раз определиться со своим отношением к упомянутой традиции. Как часто бывает с традициями, у этой тоже есть свои минусы. Очевидный минус состоит в том, что традиция возводит в норму методологии политического исследования подмену автором этого исследования характеристики смысла и назначения того или иного метода его условным и общепринятым в науке названием. Методологию конкретного исследования современные политологи, особенно начинающие свою научную карьеру, часто собирают, как детский конструктор «Lego», из ярких и стандартных деталей. В роли таких деталей выступают некие «общепринятые» условные назва-

ния методов – «системного», «структурно-функционального», «институционального» и т. д.

Традиция эта своим происхождением обязана во многом обстоятельствам становления современной отечественной политологии. А конкретно тому, что многие методы изучения современной демократической политики (а именно на ней сосредоточилось внимание отечественных политологов в последние три десятилетия) отечественные специалисты в готовом виде заимствовали у своих зарубежных коллег. Зарубежная наука, ее достижения в разработке теории демократии и изучении разнообразных демократических процессов выглядели для отечественных политологов тем эталоном, который надо просто максимально аккуратно копировать и использовать для изучения российской политики. Тем более что политика эта, как тогда полагали многие отечественные политологи, могла и должна была развиваться строго по логике «демократического транзита». Все это стало основой для распространения в среде отечественных политологов уверенности, что методы политической науки, хотя и созданы для изучения либеральной демократии в Старом и Новом свете, в сущности, универсальны. А потому они не требуют от российского политолога какой-либо существенной доработки при их применении к изучению российской политики, в том числе в ее историческом измерении. Достаточно в политологическом тексте просто привести общепринятое условное название того или иного метода, «исторического метода» в частности, и, как говорили в Античности, «умному будет достаточно!».

Здесь, надо заметить, дает о себе знать фундаментальный пробел в профессиональном знании отечественных политологов, особенно последнего поколения. Большинство из них в период вузовского обучения не имели возможности профессионально, на научной основе, изучать историю даже собственной страны. По этой причине они чаще всего не в курсе тех дискуссий, которые вели прежде и ведут сегодня профессиональные историки по поводу «смысла и назначения истории» (если воспользоваться известной формулировкой К. Ясперса), а также о способах получения достоверного знания о прошлом разных государств и народов в разное историческое время. А потому для них ближе представление об «истории» как школьной дисциплине, как «истории вообще». Это представление об «истории» как более или менее кратком обзоре основных фактов из прошлой жизни разных государств и народов, для изучения и усвоения которого от школьника не требуется никаких особых теоретических знаний и исследовательских навыков. Максимум, что ему нужно, это уметь читать учебник по «истории» и запоминать события и даты. С таким порядком действий часто в сознании политологов и ассоциируется «исторический метод» изучения политики.

Такой в полном смысле мифологический подход к методологии своей науки не нарушает согласия в рядах отечественных политологов и привычной технологии экспертных процедур до тех пор, пока не найдется кто-то, кто, подобно мальчику из сказки Г.-Х. Андерсена, не скажет: «А король голый!». Иначе говоря, пока этот «кто-то» не обратит внимание своих коллег на тот факт, что за большинством условных и общепринятых в современной науке названий методов, «исторического метода» в том числе, стоят очень разные трактовки специалистами его смысла и порядка применения в научном исследовании.

Так обстоит дело, например, со всеми «базовыми» методами современного политического исследования. Отечественные и зарубежные классики теоретической политической мысли за минувшие два столетия наполнили понятия «системный метод», «структурно-функциональный метод», «институциональный метод», «неинституциональный метод» очень разными, порой взаимоисключающими смыслами. Они же предложили очень разные варианты практического приложения этих методов.

Мы этих создателей методов политического исследования потому, собственно, и считаем сегодня «классиками», что они не повторялись в своих теоретических инициативах и предложили каждый свою, вполне законченную и функциональную трактовку того или иного метода. Тем самым каждый из них еще на шаг продвинул вперед развитие теоретических основ современной политической науки.

В такой ситуации автору политологического исследования и эксперту надо либо формально следовать сложившейся методологической традиции, т. е. делать вид, что «исторический метод» он и есть «исторический метод», и больше на эту тему рассуждать не имеет смысла, либо искать в разнообразии интерпретаций «исторического метода» точки соприкосновения в своих представлениях о смысле и порядке его применения в политическом исследовании.

Условия такого выбора, заметим, различны для автора политического исследования и эксперта. Преимущество автора в том, что он может легко оправдать свое нежелание вникать в теоретические детали. Автор может рассуждать так: раз новый и практически значимый результат мною достигнут, то какая разница, при помощи каких методов? Для эксперта, в принципе, важны именно детали того смысла метода, которыми руководствуется или не руководствуется исследователь. На основании этих деталей эксперту легче всего и надежней определить уровень новизны и достоверности выводов и рекомендаций, к которым пришел исследователь.

Если автор и эксперт решат все же в своей профессиональной дискуссии по поводу методологии руководствоваться не мифами об «истории», заложенными в их сознание школьным и

вузовским образованием, а современным требованием к научной методологии, то им придется согласовывать свои мнения по целому ряду позиций. Требование, в сущности, простое: уровень сложности понимания исследователем своего метода должен соответствовать уровню сложности понимания им своего предмета – исторических проблем современной политики в данном случае.

Выяснение деталей придется начинать с вопроса о статусе «исторического метода», о его принадлежности к ряду методов специально-научных или общенаучных. «Исторический метод» – это метод исторической науки, который политологи прямо заимствуют у своих коллег по цеху, или же это метод общенаучный, которым на равных правах могут пользоваться представители разных наук?

Для осуществления экспертизы политического исследования это практический вопрос. Потому как, если политолог говорит об использовании им «исторического метода» применительно к изучению политических процессов, институтов и технологий либо наследия политической мысли и понимает его как метод именно исторической науки (пусть даже в метафорическом смысле этого определения), это одно. Эксперт в таком случае вправе требовать от автора доказательств, что результаты его исследования, полученные с применением «исторического метода» как метода исторической науки, являются результатами действительно политологического, а не исторического исследования.

При этом и эксперту, и автору придется включить в повестку своего диалога о методе тот факт, что сами историки порой пользуются понятием «исторический метод» в его специфически-историческом статусе, как метафорой. Когда им важно подчеркнуть специфику того теоретического ракурса, в котором они, в отличие от других гуманитариев (например социологов, использующих «социологический метод», или философов, использующих «философский метод»), видят и фиксируют в качестве своего предмета научного исследования постоянно меняющуюся социальную реальность. Понятие «исторический метод» в устах историка в этом случае характеризует не столько его намерение изучать конкретный предмет с конкретных теоретических позиций, сколько содержит в себе его заявку на профессионально-корпоративную идентичность. В том смысле, что он, профессиональный историк, тем и отличается от других гуманитариев, философов, социологов и т. д., что в своих научных поисках реализует «исторический метод» как специфический набор профессиональных компетенций.

Если же политолог, в своем научном тексте упоминающий «исторический метод», имеет в виду общенаучный метод ретроспективного исследования природных и социальных процессов,

то это никак не может быть основанием для сомнений в «политологичности» его научного текста. Политолог вправе свободно пользоваться «историческим методом» как одним из базовых методов современной науки как таковой. У науки в целом и у отдельных ее направлений есть своя, более или менее длительная и масштабная «история», т. е. последовательность достижений и просчетов в постановке и решении теоретических и прикладных задач, поддающаяся интерпретации и упорядочению. Современной науке важно реконструировать, хранить и презентовать обществу и элитам такое знание о своем противоречивом прошлом в качестве свидетельства своего зримого прежнего вклада в общественный прогресс и своих возможностей увеличить этот вклад в будущем. Вклад этот, сделанный наукой прежде, служит оправданием нынешнего общественного и государственного доверия к ней.

Есть, кроме того, своя история становления у предмета каждой из современных наук, а также у ее теоретических основ. И все это физики, биологи, медики и т. д. изучают с опорой на современные общеполитологические представления о причинах, порядках и последствиях изменений в базовых социальных практиках, одной из которых является наука в целом и в отдельных своих ответвлениях.

Автор политологического текста и его эксперт чаще всего в такие философские тонкости не вникают. Они полагаются на свой личный творческий опыт, интуицию и традицию теоретизирования, сложившуюся в отечественной политологии за минувшие три десятилетия ее развития. Все вместе это обеспечивает им возможность в своей научной коммуникации использовать «по умолчанию» то представление о статусе «исторического метода», которое, как им кажется, наиболее соответствует свойствам научного текста и потребностям его научной экспертизы. Это создает трудность, порой большую, в методологическом диалоге эксперта и автора.

Хорошо, если личный творческий опыт, интуиция и приверженность одной традиции оформления и теоретического оснащения политологического текста приведут того и другого к одинаково позитивному отношению к формулировке «в настоящем исследовании использован исторический метод». Тогда очень вероятно позитивная оценка экспертом корректности методологии и достоверности научного результата. В случае же несовпадения таких представлений возможна ситуация, когда эксперт будет критиковать автора за ненадлежащую методологию исследования, а автор рецензируемого труда – подозревать эксперта в желании «придаться к мелочам». Основой коммуникации автора и эксперта станет в этом случае взаимное подозрение в научной недобросовестности.

У эксперта и автора есть, в принципе, возможность не полагаться только на свою интуи-

цию и опыт, а конкретно определиться с пониманием статуса той теоретической конструкции, которую каждый из них в своем сознании определяет понятием «исторический метод». В разделе своего политологического исследования, посвященного методам работы, автор вправе объяснить по этому поводу со своим экспертом. Заявить, например, что в данном своем конкретном политическом исследовании, когда он говорит о применении «исторического метода», то имеет в виду метод ретроспективного изучения политики. Эксперт будет точно так же вправе с ним согласиться или не согласиться. В любом случае в методологическом диалоге автора и эксперта появится больше конкретики и объективности, и первый шаг к взаимопониманию будет сделан.

Останутся, вместе с тем, другие проблемы интерпретации «исторического метода» как метода политического исследования. Они не обязательно должны ставиться и решаться каждый раз, когда политическое исследование подвергается экспертизе в части методологии. Но представление участников экспертной работы о сути этих проблем определенно способно в лучшую сторону повлиять на ход и итог этой работы. Даже если автор политологического текста и эксперт, интуитивно или осознанно, сошлись во мнении, что понятие «исторический метод» в данном тексте является смысловым эквивалентом общенаучного ретроспективного метода, то им в этом случае неплохо было бы определиться еще и с конкретным общенаучным смыслом «исторического метода». Смыслы существуют разные. Отечественным политологам сегодня есть из чего выбрать в этом плане. Есть, соответственно, и почва для того, чтобы эксперт, принципиально согласившись с выбором автора политического исследования в пользу общенаучного «исторического метода», не одобрил того, как именно автор понимает смысл использования этого метода в своем исследовании.

С одной стороны, в научном тексте юриста, биолога или медика понятие «исторический метод» будет обозначать некий достаточно универсальный способ решения исследовательской задачи (С. Кандрычын¹, Г. В. Федорова², К. С. Бельский³, О. А. Егорова⁴). Способ этот подразумевает, что ученый судит о свойствах природного объекта или социального субъекта, а также о характере связей между ними на основе своих наблюдений за естественными изменениями в этих свойствах и связях в пространстве и времени, существовавших прежде. «Исторический метод» в своем общенаучном смысле выступает, таким образом, альтернативой эксперименту, в котором характер, порядок и скорость изменений устанавливает сам исследователь. Применение «исторического метода» имеет даже некоторое преимущество перед экспериментом. В том смысле, что исследователь, не вмешивающийся в изменения и лишь наблюдающий за

тем, как они происходили на определенных отрезках исторического пространства и времени, получает дополнительный стимул к уверенности в своей объективности; в том, что в своих суждениях и оценках он воспроизводит картину исследуемой природной или социальной реальности «так, как оно есть на самом деле».

Тем не менее главное, что определяет смысл обеих научных процедур, – возможность для исследователя выявить и проследить изменения в исследуемой реальности. Казалось бы, вот то оптимальное и для политолога-эксперта, и для автора политологического труда, который он рецензирует, толкование общенаучного смысла «исторического метода». Политика всегда была и остается той социальной практикой, в которой изменения идут постоянно и с высотой, в сравнении с другими социальными практиками, интенсивностью. С этим не станет спорить ни один профессиональный политолог. Здесь есть, соответственно, основания для применения «исторического метода» как инструмента изучения политики в ее естественных прошлых состояниях изменчивости.

С другой стороны, препятствием к такому простому решению является различие мнений все тех же юриста, биолога или медика (как и многих других пользователей «исторического метода» в его общенаучном смысле) по поводу того, какого именно рода «изменения» в окружающей природной и социальной реальности и для чего должен выявлять и наблюдать исследователь. По мнению одних теоретиков, порядок и смысл использования общенаучного «исторического метода» познания должны быть подчинены задаче выявления *закономерностей* в развитии различных процессов. Другие настаивают, что главное, дающее ученому применение «исторического метода», – это возможность увидеть изучаемую реальность *в динамике*. То есть для наблюдения важны не только сами изменения объектов или субъектов, изменения в структуре связей. Не менее важно наблюдение за изменениями тех пространственных и временных контекстов, в рамках которых меняются упомянутые объекты, субъекты и связи. Третьи, рассуждая о функциональности исторического метода, отождествляют его с методом «генетическим». В том смысле, что его применение должно быть продиктовано необходимостью для ученого выявить и сопоставить *не развитые* и *развитые* состояния реальности, изучаемой им, а также реконструировать *процесс развития* этой реальности⁵.

Это, надо заметить, только те различия в подходах представителей разных наук к функциональности «исторического метода» как метода общенаучного, которые обнаруживаются при адресации запроса «исторический метод исследования» в поисковой системе «Яндекс». С ними, соответственно, с большой долей вероятности столкнется начинающий отечественный

политолог, когда попытается уяснить для себя смысл и назначение «исторического метода» при подготовке методологического раздела публикации или диссертации. Даже из такого краткого перечня разных мнений специалистов он может сделать вывод, что под общим названием «исторический метод» на самом деле скрываются очень разные ракурсы изучения политической реальности в ее прошедших состояниях и, соответственно, разные порядки и теоретические инструменты познания политической реальности. Какой порядок и какие инструменты выбрать, какой, иначе говоря, интерпретацией «исторического метода» лучше руководствоваться в данном конкретном исследовании изменений в политических объектах и субъектах?

При наличном разнообразии интерпретаций смысла и назначения «исторического метода», доступных политологу, ответ на этот вопрос опять же зависит от субъективных предпочтений автора и эксперта. А значит, любой из вариантов ответа может быть и источником их несогласия в том, как именно следует понимать общенаучный смысл и общенаучный порядок применения «исторического метода».

Помимо субъективных предпочтений исследователя и эксперта, источником их несогласия в вопросе понимания смысла и назначения общенаучного «исторического метода» в политическом исследовании может быть также и разница в их взглядах на меру значимости знания именно об изменениях в политике в минувшие времена для понимания ее сути. Что наиболее точно характеризует смысл политики как одной из наиболее древних социальных практик: то, что в ней постоянно меняется, или то, что в ней устойчиво?

С одной стороны, политика представляет собой непрерывный процесс изменений. Но, с другой стороны, были и есть в этом процессе постоянных изменений и «островки стабильности». И они довольно часто представляют самостоятельный интерес для политолога. Были и есть в политике социальные и элитарные ценности, коммуникативные практики (социальная мифология, например), общественные и государственные институты, которые представляют интерес и практическую значимость для изучения их политологом именно потому, что на уровне смысла, а порой и организации не меняются десятилетиями и даже веками. Это то, что можно назвать цивилизационным фундаментом политики как таковой. Иначе говоря, выражением ее сущности как особой социальной мета-практики, которая хуже или лучше, но позволяет людям согласованно, в режиме баланса своих личных, общества и государства разнообразных интересов и ресурсов управлять всем спектром прочих, неполитических общественных и частных практик. Эти неизменные «основы политики» представляют особый научный интерес тогда, когда политологу нужно осуществить прогнозирование

ние политики. Они для такого прогнозирования являются своего рода исходными пунктами. Но если автор политического исследования считает, что главное в политике – ее устойчивое начало, то у эксперта вполне могут быть иные представления о главном. Тогда возможно непонимание между автором и экспертом не только в вопросе, как изучать изменения в политике при помощи общенаучного «исторического метода», но также и в вопросе о том, насколько разумно политологу ограничивать себя в использовании этого метода только задачей выявления изменений в политике.

В связи с тем, что было сказано выше о смысле «исторического метода» в политическом исследовании, возникает еще один вопрос. Возможно ли специфически политологическое понимание того, что такое общенаучный «исторический метод» в политическом исследовании и для чего он там нужен? Разнообразие интерпретаций общенаучного «исторического метода» в рамках различных отраслей научного знания возникло не на пустом месте. Оно отражает естественное и общее для разных наук, гуманитарных и негуманитарных, стремление максимально адаптировать применение любого общенаучного метода, включая и «исторический метод», к особенностям своего объекта и предмета исследования. Политика как объект и предмет исследования тоже обладает несомненной спецификой. Формально это ее качество свидетельствует в пользу возможности для политолога, изучающего изменения в политике при помощи «исторического метода», привести нечто свое в понимание и применение этого метода. Этим «своим» могло бы быть понимание политологом «исторического метода» как метода выявления не одних

только изменений в политических процессах и структурах. Более соответствующим структуре и тенденциям развития политического знания является понимание «исторического метода» как теоретического инструмента выявления и научного описания баланса устойчивых (постоянных) и неустойчивых (переменных) факторов, условий, ресурсов, целей движения политики – баланса, ориентируясь на который, как в прошлой, так и настоящей жизни цивилизованных обществ и государств политологи каждый раз достаточно точно определяют: где имеет место просто частный конфликт человеческих интересов, а где – именно непрерывный политический процесс в его прошлом и настоящем измерениях.

Примечания

- 1 См.: Кандрычин С. О методе изучения исторических структур // Клио. 2008. № 4 (43). С. 10–19.
- 2 См.: Федорова Г. В. О методах исторических исследований // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2004. № 6. С. 43–45.
- 3 См.: Бельский К. С. Об историческом методе познания в науке административного права // Право и государство : теория и практика. 2012. № 6 (90). С. 75–79.
- 4 См.: Егорова О. А. К вопросу об исторических и логических методах в юридическом познании // Фундаментальные и прикладные научные исследования : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиясян. Екатеринбург, 2015. С. 191–200.
- 5 См.: Столяров В. Исторический метод познания в современной науке. URL: <https://www.litres.ru/stolyarov-vladislav/istoricheskiy-metod-poznaniya-v-sovremennoy-nauke/chitat-onlayn/> (дата обращения: 24.12.2018).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-92>

Cite this article as:

Shestov N. I. “Historical Method” of Modern Political Research: Problems of Interpretation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 87–92 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-92>